

мации по наиболее фундаментальным темам курса (по истории эллинской и римской цивилизаций, по теме «Истоки индустриальной цивилизации»); и здесь также контролирующая программа отсылает допустившего ошибку в ответе к конкретному лекционному фрагменту.

Для рецензента-историка, конечно же, наибольший интерес вызывает содержательная часть учебника: каким фактам отдано предпочтение, как выстраивается логика изложения, какой избирается язык описания. Под этим углом зрения учебное пособие тюменских историков видится вполне тщательно прописанным. Авторы исходили из понимания цивилизации как общества, обладающего определенным набором структурных признаков. Ведущими признаками, исходя из самой этимологии слова «цивилизация», производного от латинских понятий *civitas*, *civilis*, авторы считают определенный тип государственного устройства, отличающегося выборностью и регулярной сменяемостью властей, их разделением, и определенную сис-

тему права, выделяющуюся общепризнанностью и кодифицированностью.

Этот подход оказывается чересчур ригористичным, поскольку ряд обществ, в особенности восточных и древнеамериканских, едва ли могут ему соответствовать. Безусловно, объяснение некоторых определений (термины), предложенных в отдельных разделах, вызывает дискуссию, однако можно вспомнить, что относительно дефиниции «цивилизация» существует около 150 определений.

Разумеется, высказанное полемическое суждение не меняет общей самой положительной оценки труда тюменских историков.

Новый учебник не имеет аналогов в российской образовательной практике (появившийся в 2001 г. «Атлас Древнего мира», как известно, представляет собой лишь русскоязычную версию соответствующего англоамериканского электронного продукта), и его выход в свет должен быть всеми силами приветствован.

А. И. Романчук

Пашин С. С. Перемышльская шляхта второй половины XIV — начала XVI вв. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2001. 172 с.

С. С. Пашин в своем монографическом исследовании продолжает дело С. Б. Веселовского и других мастеров историко-генеалогического жанра. Об актуальности, значимости такого рода изысканий для нашей науки нет необходимости повторять. Вместо того хотел бы сразу подчеркнуть, что рецензируемый труд выполнен профессионально и добротнo.

В качестве объекта исследования автором взята шляхта Перемышльской земли — одного из западнорусских (украинских) регионов, перешедшего в 1349 г. под власть Польской короны. С научной точки зрения он интересен, в частности, потому, что демонстрирует своеобразный и наименее изученный вариант социального развития земель Древней Руси в послемонгольскую эпоху.

Наименее изученный — еще не значит «вовсе не исследуемый». Но, действительно, до С. С. Пашина лишь в малой степени были использованы те возможности, какие предоставляет сравнительно хорошо сохранившийся массив гродских и земских актов и иных памятников XIV-XVI вв., относящихся к Перемышльской земле. Материалы эти привлекались историками чаще всего эпизодически, и только теперь предпринято их основательное, комплексное исследование.

Автором проделана огромная и кропотливая работа. Чтобы разыскать и систематизировать акты, проследить по ним родственные связи между отдельными персонажами (зачастую выступавшими в разных грамотах под разными фамильными прозвищами), прояснить ситуации, в которых тот

или иной шляхтич попадал в поле зрения канцеляристов, — все это требовало не только времени и сил, но и незаурядной эрудиции и исследовательских навыков. Историк приходилось как бы восстанавливать рассыпанную мозаику, где к тому же утеряны многие из фрагментов.

По ходу дела возникла масса сложностей источниковедческого характера. Не удивительно, что дипломатике червонорусских актов на староукраинском языке С. С. Пашин посвятил специальный раздел. Самое пристальное внимание здесь уделено перемышльским фальсификатам, среди которых заметную группу составляют грамоты, приписываемые во второй половине XIII — начале XIV вв. галицко-волынскому князю Льву Даниловичу. Спор о них идет давно. Включившись в него, автор аргументированно доказывает, что ни одна из якобы изданных князем Львом грамот на самом деле не исходит из княжеской канцелярии.

Важный аспект этой полемики: какова информационная ценность разоблаченных подделок? При скудости актового фонда XIII — начала XV вв. очень соблазнительна мысль все-таки не пренебрегать фальшивками. Например, Б. Д. Греков, как и ряд других ученых, уверен, что изготовители грамот подгоняли их к обстановке XIII в. «и едва ли тут они могли сделать какую-нибудь ошибку». Однако автором монографии показано, что где-нибудь в XV-XVII вв. у шляхтичей (либо у претендов на это звание) были весьма смутные представления о временах князя Льва. Фабрикуя грамоты от его имени, они руководствовались только собственными интересами.

Подход С. С. Пашина к вопросу, думается, более реалистичен и обоснован. Что вызывает сомнение, так это его убеждение в том, что «перемышльские шляхтичи как XIV, так и XV вв. мало заботились о сохранности документов».

Конечно, подавляющее большинство средневековых жалованных, купчих, меновых и прочих грамот сохра-

нилось до наших дней не среди семейных документов, а в церковных и, так сказать, казенных архивах. Но виновато ли в этом шляхетское небрежение? Скорее, тут действовали другие факторы — военные напасти, пожары, семейные разделы. Как-то трудно вообразить себе шляхтича, который мало того, что пренебрегает памятью о предках, но еще и рискует благосостоянием своим и своего потомства: ведь старые грамоты служили подтверждением прав как на землю, так и на дворянское звание.

Основную часть книги составили очерки, посвященные отдельным перемышльским родам или семейным группам. Особо выделены 13 крупных родов русского происхождения (оговорюсь: «крупными» их называет автор, но в виду имеется не многолюдность семей, а их знатность, вес в обществе, богатство). Все остальные семьи сгруппированы по территориальному признаку — в эти 160 очерков попали как можновладцы, вроде Пилецких или Гарновских-Ярославских, так и мелкотравчатые шляхтичи (а то и полусляхтичи).

Очерки отличаются тщательной, филигранной проработкой материала, автором скрупулезно выяснены степени родства и свойства, множество других деталей. Итоги разысканий наглядно представлены в приложенных к работе 89 генеалогических схемах, которые включают в себя сведения по большей части о трех или четырех поколениях шляхетных обитателей Переворесского и Перемышльского поветов.

Составление таких родословий не стало для ученого самоцелью. Свою задачу он видит гораздо шире и, насколько позволяют источники, исследует происхождение, формирование, структуру, основные экономические характеристики, а также этнические, конфессиональные и локальные особенности перемышльской шляхты второй половины XIV начала XVI вв.

Охватить в краткой рецензии все, что сделано С. С. Пашиным в рамках

весьма успешно реализуемой им этой обширной программы, нет возможности. Поневоле ограничусь общей констатацией, что исследователь в целом сумел выявить и надлежащим образом интерпретировать те существенные перемены, какие за сравнительно недолгий срок – на памяти всего нескольких поколений – произошли в сложном по своей сословной структуре, полиэтничном и биконфессиональном обществе.

Позволю себе задержаться на двух или трех моментах.

Теперь, после появления труда С. С. Пашина, очевидно, нужно будет скорректировать устоявшееся в нашей литературе представление о быстром ополячивании и переходе в католическую веру веру местных нобилей после включения Червоной Руси в Польское королевство и о том, что православные семьи уже в XV–XVI вв. подвергались сильной дискриминации. Конфессиональные различия, безусловно, давали о себе знать. Так, православные аристократы предпочитали не родниться с пришельцами-католиками (впрочем, столь же косо они смотрели на браки со своими единоверцами из числа мелкой шляхты). Но значительной напряженности при контактах между приверженцами двух вероисповеданий не замечено.

Православные занимали влиятельные уряды – доступ к ним открывали в первую очередь родовитость, богатство, родственные связи. На примере шляхтичей Замостских и их собратьев показано, что мелкие православные землевладельцы также не были исключены из общественной жизни. В то же время у местных семей имелся веский мотив для того, чтобы переходить в католицизм: переход облегчал приобретение к тем привилегиям, каких так эффективно добивалась от королевской власти польская шляхта на протяжении XV в.

«Корпоративные интересы шляхетского сословия способствовали утверждению в Польше XVI в. понятия «шляхетской нации», отодвигали на

второй план конфессиональные и национальные различия», обоснованно заключает автор.

Давний предмет дискуссий – происхождение червонорусской мелкой шляхты, столь многочисленной в Самборском и соседних поветах. Многие историки видят в ней социально деградировавших потомков старого боярства. С. С. Пашин не исключает возможности подобной эволюции, даже находит соответствующие случаи. Но доказывает, что правилом был обратный процесс – сословное возвышение, превращение зависимых людей, полупривилегированных военных слуг в дворян-землевладельцев. Нобилитация иногда бывала законной, связанной с практиковавшимися короной земельными пожалованиями уроженцам Перемышльщины или мигрантам, иногда – самодельной, при помощи всяких уловок, включая фабрикации поддельных грамот князя Льва Даниловича. Варианты таких карьер, которые сами новоиспеченные шляхтичи по вполне понятным причинам не афишировали, прослежены автором с максимально возможной полнотой и тщанием. На мой взгляд, разделы, посвященные данной теме, принадлежат к числу самых интересных в монографии.

Для исследовательской манеры учебного весьма показателен очерк о шляхтичах Негребицких Витошинских,носящий подзаголовок «На полпути к шляхетству». Здесь внимательнейшим образом рассмотрен вопрос о «конюхах», населявших села Витошинце и Негребку. Проблемы червонорусских «конюхов» касались некогда М. С. Грушевский, В. Гейнош, Б. Д. Греков, так и не придя к согласию относительно их происхождения и статуса. Взвесив их аргументацию и проанализировав свой материал, С. С. Пашин заключил, что конюхи вели свое начало от посаженных на землю княжеских пленников.

Гипотеза представляется правдоподобной, хотя и не может быть подтверждена неопровержимо. Зато наглядно продемонстрирована неопреде-

ленность социального положения этой категории селян. Прилагаемая к ним в гродских актах титулатура пестра и непостоянна. Как видно, современники затруднялись, куда отнести конюхов — к крестьянам-барщинникам, солтысам или к шляхте. Из документов следует, что судьбы конюших семейств складывались по-разному. Автор особо выделяет тех удачливых конюхов, что в актах уже стали именоваться нобилями и, как положено последним, судиться в земском, а не в гродском суде.

С. С. Пашин заявил себя убежденным приверженцем локальных, конкретных изысканий. Броских, но поверхностных аналогий он избегает и вообще сторонится того, что им, вслед за Ю. В. Перовым, названо «универсальными философскими конструкциями исторического процесса». Даже в пределах своего региона, не слишком большой территории Перемышльской земли (площадь — примерно 15 тыс. кв. км) он концентрирует внимание на локальных особенностях — на отличии порядков в равнинных селах от сел прикарпатских, на своеобразии левобережья Сана по сравнению с Восточной Перемышльщиной.

Такая позиция вызывает уважение, да и результаты монографического исследования говорят сами за себя. Но, похоже, работа подошла к такому уровню осмысления материала, когда установленные для себя ученым рамки оказываются тесны. В известной мере это ощутимо уже сейчас, в частности, при освещении роли солтыств в системе перемышльского землевладения. Вопрос немаловажен, к нему автор обращается многократно, показывая, как

менялись функции солтыса и его статус, как шло вытеснение, так сказать, настоящих солтысов землевладельцами, практически завершившееся к концу XV в. Разделы эти выполнены исследователем со свойственными ему умением и основательностью. Но все же читателю не хватает развернутого сопоставления с Краковщиной и иными воеводствами Польши — тут было бы желательно привлечь монографии Л. Лысяка и других польских историков.

При продолжении работы над темой — оно, надеюсь, последует обязательно — необходимо будет шире прибегать к сравнительному анализу. Настоятельно рекомендовал бы обратиться при этом прежде всего к трудам А. Бычаньского, чьи капитальные исследования охватывают чуть ли не все стороны жизни польской шляхты XVI в.

Однако это — дело будущего. Возвращусь к тому, что уже сделано С. С. Пашиным, хочу еще раз повторить, им представлено научно значимое исследование. Мои критические замечания в его адрес носят частный характер. Они никак не умаляют бесспорных достоинств рецензируемого труда. Его автор, выступая во всеоружии современной методологии, внес весомый вклад в разработку важной научной проблемы. Выводы монографии отличает новизна и аргументированность. Нельзя не отметить и то, что многолетние разыскания С. С. Пашина, подытоженные в монографии, уже получили заслуженную известность, прочно вошли в историографию проблемы.

В. А. Якубский

Некоторые замечания по поводу научных работ по историографии

В последние годы знакомство с рядом монографических исследований по историографии, разделами в книгах по этой проблематике, а также с некоторыми диссертациями и дипломными работами заставило обратить

внимание на определенные недостатки и погрешности таких работ.

Прежде всего, следует отметить, что работы по историографии следует отнести к одному из сложнейших сюжетов исторических исследований,